

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1:1
ББК Ш141.12в+Ю228.1

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

П. Серио

Лозанна, Швейцария

Перевод с фр. Е. В. Ерофеевой

ВОЛОШИНОВ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И МАРКСИЗМ

АННОТАЦИЯ. Опубликованная впервые в Ленинграде в 1929 году книга В. Волошинова (1895—1936) «Марксизм и философия языка» (далее: МФЯ) была воспринята в меру критично, затем в угоду изменениям официально-го курса политической идеологии подвергалась регулярным нападкам и в конечном итоге очень быстро оказалась забытой. Из долгого забвения ее воскресит Р. Якобсон в Соединенных Штатах Америки в 1973 году, когда публикует перевод МФЯ на английском языке. Французский перевод появится в 1977 году, под фамилией М. Бахтина, с указанием (в скобках) имени В. Волошинова. С тех пор эта книга окружена ореолом тайны, за которую в некоторой степени несет ответственность ее название. Новый французский перевод этой книги вышел в 2010 году в издательстве Ламбер-Люка г. Лимож под руководством П. Серио [Volosinov 2010]. В предисловии автор размышляет, почему французская интеллигенция, как левого, так и правого толка, легкомысленно поверила в легенду о том, что якобы Бахтин является «настоящим автором» этой книги.

Вопрос о том, является ли МФЯ в действительности «марксистской книгой», вызвал весьма противоречивые ответы. Это можно объяснить силой книги или силой предубеждений ее читателей. Следует, однако, напомнить, что этот вопрос поднимался только философами и литературоведами — «бахтинистами». Действительно, ни исторические трактаты по марксизму, ни исторические труды по философии языка, будь то в России либо на Западе, не упоминают о существовании этого произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия языка; марксизм; бахтиноведение; социолингвистика; антипозитивизм; психолингвистика; межличностное взаимодействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Серио Патрик, PhD, профессор, Университет Лозанны; адрес: Швейцария, Лозанна, Université de Lausanne, CH-1015 Lausanne, Suisse; e-mail: info.sase@unil.ch.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.

1. МАРКСИЗМ ВОСТОЧНЫЙ И МАРКСИЗМ ЗАПАДНЫЙ

Среди многочисленных парадоксов, созданных МФЯ, нужно отметить, что эта книга с марксистским названием снова появилась именно на «буржуазном» Западе и появилась благодаря усилиям Р. Якобсона, эмигранта, который никогда не занимался марксизмом^[1], в то время как в СССР с начала 1930-х гг. указанное произведение находилось в тотальном забвении.

МФЯ часто прочитывалась во Франции через восприятие Бахтина как марксиста, бунтаря и революционера. Тем не менее возврат к контексту той эпохи позволил бы проявить гибкость в отношении некоторых поспешных утверждений. Если бы книга В. Волошинова называлась «Социология и философия языка», она, вероятно, не имела бы такого успеха на Западе в 70-е годы. И если бы другие тексты, кроме МФЯ (например, статьи Р. Шор), были в то время переведены, то рассуждения по поводу отноше-

ний между марксизмом и философией языка могли бы принять иной характер.

Однако положительное восприятие было обеспечено заранее. Почему? Наша гипотеза, безусловно требующая уточнения, состоит в следующем: французский перевод МФЯ появился в ту самую пору во Франции, в 1977 г., когда произошел разрыв Союза левых сил, в момент глубокого сомнения. Этот текст был для марксистской интеллигенции спасательным кругом, надеждой, что можно было еще чего-то ждать от марксизма, исходящего из Советского Союза. В этом видели: приток живой мысли [Houdebine 1977: 161]; новый эпистемологический разлом [Gardin 1978: 88]; восприятие языковых фактов как фактов социально-политических [Там же: 100]; Скажем прямо, что сейчас нужно будет отталкиваться от Волошинова [Там же].

Одним словом, французское прочтение МФЯ до сегодняшнего дня — это скорее «левое» прочтение, для которого марксист-

Оригинальная статья была опубликована в журнале «Langages» (Париж, № 182, июнь 2011 г.) в рубрике «Теории языка и политика лингвистов».

© Серио П., 2011

© Ерофеева Е. В., перевод на русский язык, 2015

ская направленность не вызывает никакого сомнения: *Книга марксистская от начала до конца* [Yaguello 1977: 11]; *В произведении Волошинова четко проступают черты марксистской философии языка* [Lecerclé 2004: 102].

Взамен этому направлению М. Aусоутурьер (2007) усматривает в *МФЯ* «идеологическую оболочку», упоминая *невозможность* (для Бахтина. — П. С.) *впредь публиковать в Советском Союзе тексты подобного рода, не придавая им марксистскую окраску, противоречащую его убеждениям. А его молодые друзья, обращенные к официальной идеологии, готовы нести за это ответственность* [Auscouturier 2007: 148—149].

Точно так же в США К. Кларк и М. Холквист (Clark, Holquist 1984: 155) утверждают, что «марксистские» пассажи являются всего лишь простыми вставками, предназначенными для обмана цензуры. При этом они не объясняют, почему книга М. Бахтина о Достоевском, которая не имеет никакой «идеологической оболочки», вышла под его собственным именем, даже во время его тюремного заключения.

Небезынтересно исследовать русскую постсоветскую реакцию на это произведение. Перед нами предстает совсем другой мир, в котором *МФЯ* либо оказывается вновь отброшенным в небытие в силу своего марксизма (это «тоталитарный» текст), либо, наоборот, превозносится в качестве глубоко антимарксистского текста или текста, лучше всего изображающего «карнавальный» марксизм в произведении, написанном «под маской» другого автора и другого стиля. В обоих случаях русские авторы критикуют и отвергают именно марксизм как таковой. Этот русский резко выраженный антикоммунистический подход к текстам, приписываемым М. Бахтину, малоизвестен во франкоговорящем мире и заслуживает глубокого изучения.

Эта идея (что не существует мысли без лингвистических знаков. — П. С.) *вполне тоталитарная* [Эткинд 1993: 399]; *Эта книга является моделью тоталитарной идеологии* [Шапир 2008: 234]; *...весь текст МФЯ — это карнавальная замена официального языка, при которой ему удастся сказать то, что сам этот „язык“, то есть марксизм как концепция мироздания, никогда не говорил, и не сможет никогда сказать, не перестав быть тем, что составляет так называемую „душу“ марксизма..* [Махлин 1998: 485]; *Весь пафос и напыщенность МФЯ — это как раз борьба против тоталитаризма языка (главным образом марксизма); языка, который через свой абстрактный объективизм способен*

полностью разрушать людей; МФЯ — это карнавальная борьба против марксизма [Пешков 1998: 567].

Мы встречаемся, таким образом, с русским восприятием этого труда в большинстве своем если не «правым», то, по крайней мере, фундаментально антимарксистским. На этом этапе оно все еще является делом философов и литераторов, а не лингвистов.

По свидетельствам преподавателей ИЛЯЗВа^[2], а также его первой жены известно, что к 1925 г. В. Волошинов забросил свое увлечение оккультными науками и с энтузиазмом погрузился в изучение марксизма, гораздо глубже, чем все остальные из окружения М. Бахтина. Но он представляет своеобразное прочтение марксизма в его отношении к языку.

Трудно вообразить более неподходящий исторический момент для публикации *МФЯ*: 1929 год — год «великого перелома», время, когда научная речь становится объектом идеологического контроля партии. До этого периода в Советском Союзе существовали весьма разнообразные способы «быть марксистом», часто противоречащие друг другу. Всякая новая идея, всякое оригинальное и разрушающее традиции исследование провозглашалось «марксистским». Если конкретнее, то так как для различных идеалистических течений в Германии наукой, с которой приходилось бороться, был позитивизм (в виде младограмматической школы в языкознании или историко-культурной в литературе), привлекательной и заслуживающей доверия альтернативой становился марксизм.

В. Волошинов не дает никакого определения ни марксизму, ни философии языка. Его цель заключается в том, чтобы «наметить *основное направление* подлинно марксистского мышления о языке» [*МФЯ*: 9]^[3]. Но он ни разу ясно не формулирует одно из своих принципиальных положений: почему философия языка настолько «важна» для марксизма? Какое отношение имеет марксизм к чужой речи в языке художественной литературы? «Марксизм» представляется ему очевидным фактом, что в 1929 г. еще не соответствовало действительности. Единственное определение, которое он дает марксизму — это то, что речь идет о «философии идеологического знака» [*МФЯ*: 20]. В другом месте он определяет его как «миросозерцание» [*МФЯ*: 11], как «науку идеологического творчества» [*МФЯ*: 13] и «социологический метод» [*МФЯ*: 20].

Стоит отличать, как это делает А. Дмитриев, «марксизм академический», или «марксизм неортодоксальный», от «мар-

ксизма официального». А. Дмитриев определяет «академический марксизм» не как «социально-политическую идеологию», а как «особый метод» анализа социальных фактов [Дмитриев 2007: 10]. Речь идет о мета-теории в гуманитарных и общественных науках, а не о политической практике. Только в этом смысле, и ни в каком другом, *МФЯ* является «марксистским» произведением, которое применяет «социологический» метод к литературным явлениям и «социальным» фактам. Во время учебы в ИЛЯЗВ В. Волошинов являлся слушателем семинаров секции «социологической поэтики», возглавляемой П. Медведевым.

Отметим, что В. Волошинов никогда не был членом никакой из партий. В отличие от многих своих соотечественников, таких как С. Карцевский или Е. Поливанов, он никогда не участвовал ни в революционной, ни даже в пропагандистской деятельности. В отличие от П. Медведева и М. Бахтина, он, по всей видимости, никогда не имел политических неприятностей, не был арестован и умер естественной смертью.

Он никогда не упоминает имя К. Маркса. Слова «политика» и «революция» крайне редко встречаются в его работах. Он не говорит ни о власти, ни о прибыли, ни даже о символическом насилии. Слова «практика» или «труд» у него отсутствуют полностью. В. Волошинов не описывает советское коммунистическое общество и ни разу не упоминает о разнице между капитализмом и коммунизмом.

Социология языка для В. Волошинова не является социолингвистикой. В его книге не встречается гетероглоссия: он абсолютно не обращает внимания на разнообразие «стандартов» языка, не интересуется языком пролетариев, рабочих, моряков, солдат или крестьян, в отличие от Л. Якубинского, с которым, казалось бы, имел схожие взгляды. Он не выступает за опровержение принятой нормы, потому что не признает самой нормы: у него все является *особенным узусом*. Но вместе с тем он глубоко презирует лингвистические эксперименты поэтов-футуристов [Волошинов 1930б]. Его вкусы остаются полностью классическими.

В. Волошинов не «принимает официальной идеологии» [Aucouturier 2007: 149]. Его марксизм настолько необычен, что принесет автору лишь сдержанные или враждебные рецензии, а его имя вскоре исчезнет из общественной жизни.

Вслед за В. Алпатовым [Алпатов 2000: 181—184] можно утверждать, что в *МФЯ* нет ничего антимарксистского и ничего сугубо марксистского. Во второй части марксизм

упоминается только в названии; в третьей части он не появляется вовсе. Лишь в первой части представлено обсуждение марксизма с той позиции, что «идеологический» знак становится «ареною классово-борьбы» [*МФЯ*: 27]. Но в то же время этот знак «нейтрален» [*МФЯ*: 18]. Именно эта особенность марксизма В. Волошинова стоила ему наибольшего количества нападок со стороны его современников с того самого момента, когда требование марксистской ортодоксальности стало вопросом жизни или смерти: «В дальнейшем развитии языка ни в какой мере не снимается ни его изначальная идеологическая надстроечная ценность, ни его диалектическая связь с другими надстройками (можно ли, в самом деле, всерьез полагать, как это делает В. Волошинов, что „знаковая сущность“ языка „нейтральна“ по отношению к содержанию отдельных идеологий, что, таким образом, язык художественного произведения, политической речи и т. п. в его классовой и жанровой специфичности „нейтрален“ по отношению к „знаковой сущности“ соответствующих идеологий?)» [Пальмбах 1931: 25].

«Марксистские» положения В. Волошинова по поводу языка можно резюмировать следующим образом: 1) язык носит значащий характер; 2) язык — это явление общественное; 3) позитивизм — это «преклонение перед фактом» [*МФЯ*: 10], а идеалистический психологизм объясняет все идеологические явления субъективным сознанием, и эти два подхода одинаково неприемлемы. Эти три положения В. Волошинова, которые ни в чем не противоречат идеям Ф. де Соссюра (не считая отсутствия разделения между языком и речью), не имеют ничего специфически марксистского. В 1920-х гг. они становятся частью общего багажа любой лингвистической теории, которая опровергла натуралистический догмат фонетических «законов» без исключений. Размышления В. Волошинова по поводу языка далеки от того, чтобы быть подлинным предвосхищением «марксистской» лингвистики, они прекрасно вписываются в проблематику, свойственную его времени, а именно антипозитивистскую реакцию, которая начиная с конца XIX в. гораздо более определенно проявлялась в Германии и в России, нежели во Франции.

2. СИНТЕЗ

Как и большинство русских авторов начала XX в., склонных к антипозитивизму, В. Волошинов и его коллеги пытаются создать теорию широкого синтеза, заключающегося в объединении внешне несовмести-

мых и противоречивых понятий, передаче, переформулировке и адаптации одной теории в терминах другой. Это поколение, готовое полностью перестроить основы всякого знания, пыталось объединить ницшеанство, православие с социальным экстремизмом или фрейдистский психоанализ, марксизм, оккультизм с теорией условных рефлексов ради системы ценностей, где идеализируется *связь* и не приветствуется *разделение*. В этой мысли, что все в мире взаимосвязано, заключается как основная идея трудов Н. Бухарина^[4], так и большая романтическая мечта, точно так же, как, в зависимости от того, являетесь вы энтузиастом или скептиком, вы можете рассматривать эти попытки синтеза как диалектическое преодоление или же разнородную мешанину идей.

«Диалектический синтез», предпринимаемый В. Волошиновым, сводится к следующему: 1) выборке у изучаемых авторов подходящих ему тем и идей (К. Фосслер мигнус индивидуализм); 2) передаче теоретической базы при помощи другой терминологии (К. Фосслер социологизирован, и даже В. фон Гумбольдт приобщен к марксизму). Но здесь сложно рассуждать о «диалектике» в том смысле, что от Ф. де Соссюра он не заимствует *ничего*: идет полное неприятие^[5]. Синтез, на который нацелен В. Волошинов, делается скорее на основе трудов К. Фосслера и Н. Бухарина и происходит в бесконечном поиске *связи* между историей языка и историей идеологий. Таким образом, В. Волошинов продвигается по двум фронтам одновременно: против позитивизма изолированного факта и против вульгарного материализма и «вульгарного социологизма», т. е. идеи, что литература может «отражать непосредственно» такие внелитературные факторы, как идеологии, социально-экономические условия, классовую ситуацию (ср. критика объяснения «лишнего человека» в русской литературе XIX в. только классовой ситуацией [МФЯ: 21]).

3. ОГРОМНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ. ИДЕОЛОГИЯ КАК СЕМИОТИКА

Одно из основных положений В. Волошинова, которое он упорно защищает, заключается в том, что *не бывает ни содержания без формы, ни формы без содержания*: «Нет переживания вне знакового воплощения. С самого начала, следовательно, не может быть и речи о принципиальном качественном отличии внутреннего и внешнего» [МФЯ: 86]

Так, например, обращаясь к работе Л. Шпитцера по поводу выражения голода итальянскими военнопленными в Австрии во

время Первой мировой войны, В. Волошинов утверждает, что такое физическое чувство как голод, не может существовать вне своего вербального *выражения* [МФЯ, ч. 2, гл.3]. И это справедливо для любой *мысли*.

Данный тезис В. Волошинова часто рассматривался как доказательство его «материалистической» позиции^[6]. Тем не менее отметим, что отрицание всякого разделения между формой и содержанием, языком и мыслью, именами и вещами в ту пору в России также являлось делом убежденных идеалистов. Так, например, в 1929 г. платоник-идеалист А. Лосев пишет (в книге, которая будет опубликована только в 1953 г., в Париже): «Отрыв имен от вещей есть печальный продукт той ужасающей тьмы и духовной пустоты, которой отличается буржуазная Европа, создавшая один из самых абстрактных и бездушных типов культуры вообще» [Лосев 1929].

Постоянно встречающееся в МФЯ слово «идеология» в 70-е гг. во Франции создавало у читателей В. Волошинова то, что тогда называлось «эффектом узнавания»^[7]: марксистская интеллигенция находила в нем тему альтюссеровского^[8] «ложного сознания»^[9], понятия негативного, которому следовало жестко сопротивляться. Идеология по определению была идеологией господствующего класса, и в качестве основной своей функции подразумевала сокрытие реальной ситуации отчуждения эксплуатируемого класса. Любопытно, что никто не задумался над тем, могло ли слово *идеология* у В. Волошинова, которое иначе как «идеология» не переводится, иметь другой смысл, а не тот, который был принят в то время.

Идеология как ложное сознание сохраняла свои позиции лишь благодаря скрытому либо молчаливому признанию существования бессознательного. Однако В. Волошинов отказывается от любой идеи ложного сознания, или, в понимании А. Грамши, «согласия», потому что усматривает в этом некую двойственность, неприемлемую для его монистического принципа: он не считает возможным, чтобы подчиненный класс разделял ценности господствующего класса. Этот отказ от бессознательного во имя «монизма» сознания является основной идеей его книги «Фрейдизм» (1927).

В СССР в 1920—30-х гг. постепенно формировалась совсем другая интерпретация слова «идеология». Наибольшая трудность в плане нахождения общего языка с советскими коллегами в 70—80-х гг. объясняется использованием выражения «марксистско-ленинская идеология», которая, конечно же, не могла восприниматься иначе как «сис-

тема идей, положений и взглядов, выраженная с максимальной определенностью». В СССР в то время никому бы и в голову не пришло, что идеология может иметь хоть малейшее отношение к бессознательному.

В. Волошинов дает классическое двойственное определение знаку — это вещь, сама по себе ничего не выражающая, но являющаяся знаком, потому что *отсылает* к другой вещи. Таковы серп и молот на гербе Советского государства [МФЯ: 14]. Тем самым В. Волошинов пытается соединить позиции Г. Плеханова и В. Ленина: знак не что иное, как «идеология», даже если всего лишь идеология повседневности. Он может искажать, «преломлять» (ср. понятие знака как «иероглифа» у Г. Плеханова), но в то же время он отражает, как у В. Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» [Ленин 1909]. Неоспоримо одно: речь идет здесь не о принадлежности знака к порядку символического, еще в меньшей степени — к порядку воображаемого, но о знаке как вещи, «представленной вместо». Один из многочисленных афоризмов МФЯ: «Где нет знака — там нет и идеологии» [МФЯ: 13] — мог бы быть прочитан следующим образом: «Там, где нет формы, нет содержания, и наоборот». Его отказ от лингвистики как таковой проявляется здесь в полной мере: изучение фонетики и морфологии в том виде, как он это прочитывает у Ф. де Соссюра, касается только *формы*, поэтому не может являться научным, потому что для него форма без связи с содержанием не является предметом изучения.

Стоит повторить, что его концепция знака как «чего-то вместо другого» очень классична и близка к формулировке из стоической философии *aliquid stat pro aliquo*: «Всякий идеологический продукт является не только частью действительности — природной и социальной — как физическое тело, орудие производства или продукт потребления, но, кроме того, в отличие от перечисленных явлений, отражает и преломляет другую, вне его находящуюся действительность. Все идеологическое обладает *значением*: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т. е. является *знаком*» [МФЯ: 13].

Такой же анализ находим в «Риторике» Б. Лами [Lamy 1737]: «Знаком называется некая вещь, которая кроме идеи, выражаемой ей самой, когда ее видишь, выражает вторую, которая вовсе не видна. Как, например, когда мы видим на двери дома ветку виноградной лозы: кроме самой идеи лозы, приходящей на ум, понимаем, что в этом доме продается вино» [Lamy 1737: LI, гл. 2; цит. по: Фуко 1969: 18]^[10].

Или в «Логике» Пор-Рояля, за исключением того, что картезианская модель опиралась на независимость или предшествование мысли по отношению к языку (дуалистический принцип, отрицаемый В. Волошиновым во имя монизма): «Таким образом, знак содержит две идеи, одна о вещи, которую он представляет, другая о представленной вещи, и его природа заключается в том, чтобы вызвать вторую через первую» [Логика Пор-Рояля, I: 4].

По этому поводу В. Волошинов объясняет, что *понимание* знака может происходить только в определенной социальной группе, которая выделяется на основании *совместно прожитого опыта* («переживание» в русском языке; «Erlebnis» в немецком), порождающего энтимему, т. е. совокупность всего того, что не нуждается в выражении для того, чтобы быть незамедлительно понятым. На этом основан контекстуализм В. Волошинова.

МФЯ В. Волошинова — не просто гиперсоциологическое произведение, а гораздо в большей степени *гиперсемиотическое*: все является знаком, и ничто из того, что «объективно» не является сугубо экономическим, материальным фактором, не может существовать вне своего выражения, или «воплощения» в знаках. А раз так, то нет ничего удивительного в том, что сознание полностью равно по объему знакам, его выражающим: мышление не что иное, как слова. Таким образом, слова — это социальные знаки, и, следовательно, любая мысль — это внутренний диалог, состоящий из слов, и поэтому благодаря самонаблюдению она может быть полностью понята и осмыслена.

В. Волошинов далек от мысли о том, что «в языке от нас всегда что-то ускользает»: сознание — это не *camera obscura*. Однако для него слова также не являются потенциалом структурной лингвистики: образно говоря, они переполнены смыслом. Нет никакой разницы между языком и речью, все наши слова — это слова других людей, уже нагруженные смыслом, суждениями, оценками (красиво, верно, неверно, правильно, неправильно...). Но эта смысловая наполненность не имеет ни малейшей двусмысленности: МФЯ — это *теория знака, а не теория означающего*, не обладающего никакой автономией.

4. ГРУППА, СРЕДА, ОБЩЕСТВО И ИЕРАРХИЯ

«Языкознание — это эстетическая наука», — сказал К. Фосслер [Vossler 1904: 96] вслед за знаменитым тезисом Г. Пауля, что «языкознание есть наука историческая».

В. Волошинов мог бы заявить: «Языкознание — это социальная наука», уточнив, что в его понимании «социальный» означает «межличностный». Это термин из психологии, а не из социалистической программы.

МФЯ — это не лингвистический трактат, не доклад по марксистской философии, а скорее нечто вроде социально-психологической и семиотической теории вербального поведения в межличностном взаимодействии, в системе мышления, где художественное творчество и «жизнь» постоянно ссылаются друг на друга.

Регулярно упоминая классовую борьбу, В. Волошинов никогда не говорит, какой класс должен выиграть или выигрывает эту борьбу. Слово «пролетариат» используется только в цитате Е. Лорка, лингвиста фоссерианского направления, по поводу «рассудочной закостенелости французского языка» [*МФЯ*: 152]. Зато он часто использует выражение «образованные люди» и постоянно намекает на социальную *иерархию*, не подвергая ее пересмотру. В этом мире, находящемся в постоянном «становлении», один элемент остается «устойчивым» (и никогда не исчезнет) — это *социальная группа*.

В. Волошинова интересует не правоведение, не государственное или общественное устройство, а тот факт, что «абстрактный» индивид не может существовать вне конкретной «социальной группы». Автор не дает определение этого термина, смысл которого приходится восстанавливать по мере его употребления в тексте. Например, это группы, которые обнаруживают инстинктивное знание типов или «жанров ежедневной речи»: «Свои типы знают деревенские посиделки, городские гулянки, беседы рабочих в обеденных перерывах и пр.» [*МФЯ*: 99]. Мы узнаем, например, что «беседа мужа и жены, брата и сестры» образует отдельную группу [Волошинов 1930а: 68]. Эти группы по определению однородны: разнородность относится к другому уровню, она существует между группами. Группы определяют главным образом через успешность «словесного общения»: члены одной социальной группы «понимают друг друга» без необходимости все объяснять, потому что они имеют одинаковый жизненный опыт. Отметим, что «понимание» в данном случае опирается не на общее владение одними и теми же языковыми *формами*, а именно на совместный жизненный опыт. Речь идет о лингвистике речи и межличностном взаимодействии, а не о лингвистике языков.

В. Волошинов постоянно повторяет, что «изолированный» (от своей группы) индивид либо не поддается изучению, либо является

простой химерой, либо, если он все-таки существует, то является «сумасшедшим или слабоумным»: «Наконец, остается последний случай, — когда личность утратила своего внутреннего слушателя, когда в сознании разложились все устойчивые и прочные точки зрения и всё бытие личности, всё ее общественное поведение управляется лишь случайными, совершенно безответственными и беспринципными влечениями и побуждениями. Здесь мы присутствуем при явлении идеологического выпадения личности из классовой среды, которое обычно идет вслед за полным деклассированием человека. При особо неблагоприятных социальных условиях такой отрыв личности от питающей ее идеологической среды может, в конце концов, привести даже и к полному распаду сознания, к безумию или идиотизму» [Волошинов 1930а: 71].

5. ГОВОРЯЩИЙ СУБЪЕКТ

Одной из основных целей всего творчества В. Волошинова является установление собственного предмета изучения новой «марксистской» философии языка. Этим предметом является *высказывание*^[11], «реальная единица речи» [Волошинов 1930а: 66], всегда уникальное, конкретное и включенное в ситуацию, называемую В. Волошиновым «социальной», поскольку она обязательно предполагает наличие нескольких человек, минимум говорящего и слушающего, которые составляют аудиторию высказывания. Еще раз отметим, что социальная психология находит свое отражение именно в таком удивительном соседстве. Действительно, цель языкознания для В. Волошинова — это «изучать высказывания в их связи с социальной обстановкой (ситуацией), вызывающей эти высказывания» [Там же: 66]. А особенностью этой «социальной ситуации» является то, что она не подвержена противоречиям и имеет гораздо больше общего с англосаксонской прагматикой школы Дж. Остина, чем с теорией высказывания Э. Бенвениста. Она объединяет говорящих (говорящих индивидов), а не производителей высказываний, становящихся субъектами вследствие участия в процессе высказывания^[12]. В. Волошинов не разрабатывает теорию субъекта. В действительности он ставит перед собой непосредственную задачу исследовать один из типов «социального общения» — художественное общение. Этому типу он противопоставляет другие, каковыми являются: 1) общение *производственное* (на заводах и фабриках, в колхозах и т. п.); 2) общение *деловое* (в учреждениях, в общественных организациях и т. п.);

3) общение *бытовое* (встречи и разговоры на улице, пребывание в общественной столовой, у себя дома и т. п.) и, наконец, 4) *идеологическое* общение в точном смысле этого слова — агитационное, школьное, научное, философское во всех их разновидностях [Волошинов 1930а: 67].

Общество не пронизано конфликтами и противоречиями, оно состоит из «ситуаций», объединяющих «людей», которые, оставаясь разными, непохожими друг на друга, объединяются в силу того, что точно знают, что они должны говорить и как они должны себя вести в каждой «ситуации». Истинное социальное общение на заводе происходит между равными, а не между рабочими и мастером. «Ситуация» является скорее местом межличностного пространства, нежели местом соотношения сил. Что касается литературы, иногда она представляет собой отдельный тип общения, иногда отражает другие типы.

«Ситуация» — это совокупность всего того, что нужно знать (собеседники, непосредственный контекст, их предыдущая история и т. д.), чтобы понять высказывание. В отличие от теории дискурса, включающей понятие бессознательного (М. Пешё), которая появится в 1970—1980-х гг., и в отличие, как мы убедились, от понятия идеологии в работе К. Маркса «Немецкая идеология» (1845), весь текст В. Волошинова предполагает и даже утверждает, что достаточно знать «ситуацию» высказывания, чтобы понять его смысл. Тот, кто умеет восстанавливать «ситуацию» в ее единичности и целостности, способен целиком понять единственно правильный смысл высказывания. Таким образом, смысл высказывания становится полностью понятным, без каких-либо недоразумений и отступлений, благодаря конкретной ситуации.

Правда (и этот пункт является ключевым в аргументации В. Волошинова), нет ничего по-настоящему внутреннего, потому что все происходит в словесном взаимодействии, даже когда речь идет о внутреннем монологе. Но различие между людьми, проникновение голоса другого человека в сознание индивида представляется как фактор чисто внешнего характера: есть просто «другие» люди, а не враждебные социальные группы. Даже если В. Волошинов и говорит о классах, он не выводит их на первый план. Для него важно то, что жизнь — это театр, где исполняются роли, где идет обмен репликами, «ориентированными» на специфического собеседника, которые другой смог бы «понять», лишь зная ситуационный контекст: «Всякое жизненное высказывание... заклю-

чает в себе, помимо выраженной словесной части, еще и эту невыраженную, но подразумеваемую, внесловесную часть (*ситуацию* и *аудиторию*), без понимания которой не может быть понято и само высказывание» [Волошинов 1930а: 67].

И В. Волошинов отсылает к своему собственному тексту, *МФЯ*: «Житейский жанр — часть социальной среды: праздника, досуга, общения в гостиной, в мастерской и т. п. Он соприкасается с этой средой, ограничивается ею и определяется ею во всех своих внутренних моментах» [МФЯ: 99].

«Социальная среда» для В. Волошинова имеет мало общего с тем, что в наши дни во французском языке подразумевается под «социальной средой»: это скорее среда в биологическом смысле, или, еще точнее, в экологическом, т. е. окружающая среда. Говорящий не может высказываться вне социальной ситуации (определяемой как общение между равными), так же как рыба не может жить без воды.

Именно поэтому, мне кажется, было бы ошибочным говорить о «теории акта высказывания» (*théorie de l'énonciation*) применительно к В. Волошинову (и М. Бахтину). Если переводить с русского языка *событие высказывания* (лит. «*l'événement de l'énoncé*») [Волошинов, 1930а: 76] на французский язык через слово «*l'énonciation*» («акт высказывания»), это будет не просто серьезным анахронизмом, но задаст совершенно другое направление произведению. Это направление повлечет за собой прочтение слова «говорящий» у В. Волошинова как выражения «субъект высказывания», что, в свою очередь, будет означать чтение В. Волошинова через призму категорий Э. Бенвениста.

Марксизм В. Волошинова выстроен как интеракционистское направление социологии вербальных межличностных отношений в ситуации совместно прожитого опыта, приводящей к энтимеме. Его марксизм — это условие и одновременно результат общения в рамках совместно прожитого опыта. Вся конструкция опирается, таким образом, на две опоры: энтимеме как основу социологии и воплощенное слово как основу семиотики.

Восстановление контекста настолько сложного произведения, как *МФЯ*, преследовало, таким образом, две цели. Во-первых, нужно было показать, что марксистское и вместе с тем анахроническое прочтение советского текста эпохи НЭПа в 1970—1980-х гг. во Франции вызвало смысловые искажения, наносящие большой ущерб для его адекватного понимания. В частности, оно тормозило любые исследования по поводу различных значений ключевого понятия

«идеология», по поводу существования *аполитичного* социологизированного, интеракционистского *марксизма*, по поводу зыбкой границы между материализмом и идеализмом, которые объединяло то, что они оба опровергали позитивизм.

Во-вторых, историческая эпистемология лингвистики и философии языка в целом сделали бы возможным пронизательное, скрупулезное чтение работ по языкознанию из Восточной Европы по контрасту и в соответствующем контексте, прекратив рассматривать их через призму ожиданий современной публики и неточных переводов. В этом и заключается роль франкоговорящих славистов — выступать в качестве проводников научных знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Для оценки репутации Якобсона в советском лагере после Второй мировой войны приведем мнение чешского лингвиста П. Сгалла: «...это был прежде всего советский эмигрант, космополит и скрытый троцкист, настоящий недоброжелатель для нашей лингвистики. Роман Якобсон, обманувший многих наших выдающихся лингвистов, повел их по ложному пути и сыграл в лингвистике ту же роль, что и Карел Тейге в литературоведении» [Sgall 1951: 674].

[2]. ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Институт, в котором учился В. Волошинов в Ленинграде (прим. пер.).

[3]. Здесь и далее *МФЯ* цитируется по изданию: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Ленинград : Прибой, 1930.

[4]. Бухарин формулирует эту идею следующим образом: «Тот факт, что мир находится в постоянном движении, вызывает необходимость изучать явления во взаимосвязи, а не изолированно. Все части мира в действительности связаны между собой и влияют друг на друга. Достаточно малейшего изменения в одном месте, чтобы изменилось все. ...Все в мире взаимосвязано, ничто не изолировано и зависит от того, что находится вовне» [Бухарин 1921 <1967>: 64] (обратный перевод с французского).

[5]. *МФЯ* несет печать *неприятя*: неприятие де Соссюра (разрыв, произвольность, негативное определение единиц, абстракция, само понятие языка) и Фрейда (бессознательное), т. е. самих устоев общего консенсуса, существовавшего во Франции в 1970-х гг. в гуманитарных и общественных науках.

[6]. Эту позицию находим, например, у Сталина в его известной работе «Марксизм и вопросы языкознания»: «Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка» [Сталин 1950: 81].

[7]. Еще раз отметим, что если бы *идеология* была переведена как «психолого-социальная семантика», успех книги во Франции, несомненно, был бы меньший.

[8]. Альтюссер, Луи Пьер (1918—1990) — французский философ-неомарксист (прим. пер.).

[9]. «*Ложное сознание*» Маркса в «Немецкой идеологии» 1846 г. Этот посмертный текст, который был целиком переведен и опубликован в России лишь в 1933 г., в виде отрывков был известен уже с конца XIX в. Причин, чтобы этот текст не брать в расчет, у Волошинова не было.

[10]. Эта двойственная теория знака восходит в действительности к Св. Августину (ср. работу Tytkowski-Ageeva I. [Tytkowski-Ageeva 2011]).

[11]. «Действительная сущность языка есть социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое в высказывании» [Волошинов 1930а: 66].

[12]. У Бахтина или у Волошинова невозможно найти идею, ставшую основной для Бенвениста: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*» [Benveniste 1966: 259; цит. по: Бенвенист 1974: 293]. В отличие от говорящего, субъект высказывания не существует до акта самого высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Н. В. Н. Волошинов : биографический очерк // В. Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб : Acta-Press, 1995. С. 5—22.
2. Волошинов В. Конструкция высказывания // Литературная учеба. 1930а. № 3. С. 65—87.
3. Волошинов В. Что такое язык? // Литературная учеба. 1930б. № 2. С. 48—66.
4. Дмитриев А. Академический марксизм 1920—1930 годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2000. № 88. С. 10—29.
5. Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. — М. : Звено, 1909.
6. Лосев А. Вещь и имя. 1929. (1-е изд. — Париж, 1953).
7. Махлин В. Философский комментарий // Марксизм и философия языка. Тетралогия / М. М. Бахтин. М. : Лабиринт, 1998. С. 482—496.
8. Пальмбах А. К проблеме диалектики языка // Н. Марр. Языковедение и материализм — 2 : сб. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 9—33.
9. Пешков И. Риторический комментарий. Новый органон // Тетралогия / М. М. Бахтин. М. : Лабиринт, 1988. С. 542—579.
10. Серио П. Структура и целостность. М. : Языки славянской культуры, 2001.
11. Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Политиздат, 1950.
12. Шапир М. Contra philologiam: лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» // Russian Literature. 2008. № 63 (2, 3, 4). С. 231—258.
13. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб. : Медуза, 1993.
14. Alpatov V. What is Marxism in Linguistics? // Materializing Bakhtin: The Bakhtin Circle and Social Theory /

C.Brandist & G.Tihanov(eds.). London : Macmillan, 2000. P. 173—193.

15. Arnauld A., Nicole P. La logique ou l'art de penser. Paris : Charles Savreux, 1662. (Reed. Paris : Flammarion, 1970).

16. Aucouturier M. Le cercle de Bakhtine et la psychanalyse // Slavica Occitania. 2007. № 25. P. 143—161.

17. Benveniste E. De la subjectivité dans le langage // Problème de linguistique générale. Paris : Gallimard, 1966. P. 258—266.

18. Boukharine N. La Théorie du matérialisme historique. Manuel populaire de sociologie marxiste. Paris : Editions Anthropos, 1921 (1967).

19. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (MA) ; London : Harvard Univ. Pr., 1984.

20. Foucault M. Préface // Grammaire générale et raisonnée / Arnauld, Lancelot. Paris : Republication Paulet, 1969. P. 3—27.

21. Gardin B. Volochinov ou Bakhtine? // La Pensée. 1978. P. 87—100.

22. Houdebine J.-L. Langage et marxisme. Paris : Klincksieck, 1977.

23. Lamy B. La Rhétorique, ou L'Art de parler. La Haye : Pierre Paupie, 1737.

24. Lecercler J.-J. Une philosophie marxiste du langage. Paris : Presses Universitaires de France, 2004.

25. Seriot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris : Pres. Univ. de France, 1999.

26. Sgall P. Stalinovy články o jazykovědě a pražský lingvistický strukturalismus // Tvorba. 1951. 20. S. 674—676.

27. Tylkowski-Ageeva I. V. Volosinov en contexte : essai d'analyse épistémologique. Limoges : Lambert-Lucas, 2011.

28. Volosinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / trad. par I.Tylkowski-Ageeva et P. Seriot. Ed.bilingue. Limoges : Lambert-Lucas, 2010.

29. Vossler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft, Eine sprachphilosophische Untersuchung. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1904.

30. Yaguello M. Préface // Le marxisme et la philosophie du langage. Essai d'application de la méthode sociologique en linguistique / M. Bakhtine (V. Volochinov). Paris : Editions de Minuit, 1977. P. 9—18.

P. Seriot

Lausanne, Switzerland

Translation from French by E. V. Erofeeva

VOLOSHINOV, PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND MARXISM

ABSTRACT. Published for the first time in Leningrad in 1929, the book by V. Voloshinov (1895—1936) «Marxism and the Philosophy of Language» (hereinafter: MPL. The new translation in French, edited by P. Seriot, appeared in 2010 in the publishing house Lambert-Lucas, Limoges [Voloshinov 2010]. About the causes according to which the legend that Bakhtin is allegedly the “true author” of the book was light mindedly adopted by the French both left-wing and right-wing intelligentsia see the Foreword by P. Seriot) was met fairly critically, and then, in order to please the changes of the course of the official political ideology, was subject to regular attacks and was finally forgotten very soon. From long-term oblivion it was saved by R. Jakobson in the United State of America in 1973 when he published the translation of MPL into English. The French translation appeared in 1977 under the name of M. Bakhtin with the name of V. Voloshinov given in the brackets. From that time, the book has remained surrounded by a halo of mystery, which may be partly explained by its title.

The question whether MPL is a really “Marxist book” brought about rather controversial answers. This fact could be explained by the power of the book or and the power of prejudice of its readers. Nevertheless, it should be reminded, that this question was asked only by philosophers and literary specialists in Bakhtin studies. Really, neither historical treatises in Marxism nor historical works in philosophy of language both in Russia and in the West mention the existence of this book.

KEYWORDS: philosophy of language; Marxism; Bakhtin studies; sociolinguistics; anti-positivism; psycholinguistics; personal interaction.

ABOUT THE AUTHOR: Patrick Seriot, Ph.D., Prof., Lausanne, Switzerland.

ABOUT THE TRANSLATOR: Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State Economical University, Yekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Vasil'ev N. V. N. Voloshinov : biograficheskiy ocherk // V. Voloshinov. Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk. SPb :Acta-Press, 1995. S. 5—22.

2. Voloshinov V. Konstruktsiya vyskazyvaniya // Literaturnaya ucheba. 1930a. № 3. S. 65—87.

3. Voloshinov V. Chto takoe yazyk? // Literaturnaya ucheba. 1930b. № 2. S. 48—66.

4. Dmitriev A. Akademicheskiy marksizm 1920—1930 godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obstoyatel'stva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 88. S. 10—29.

5. Lenin V. Materializm i empiriokrititsizm. M. : Zveno, 1909.

6. Losev A. Veshch' i imya. 1929. (1-e izd. — Parizh, 1953).

7. Makhlin V. Filosofskiy kommentariy // Marksizm i filosofiya yazyka. Tetralogiya / M. M. Bakhtin. M. : Labirint, 1998. S. 482—496.

8. Pal'mbakh A. K probleme dialektiki yazyka // N. Marr. Yazykovedenie i materializm — 2 : sb. M. ; L. : Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1931. S. 9—33.

9. Peshkov I. Ritoricheskiy kommentariy. Novyy organon // Tetralogiya / M. M. Bakhtin. M. : Labirint, 1988. S. 542—579.

10. Serio P. Struktura i tselostnost'. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001.

11. Stalin I. Marksizm i voprosy yazykozvaniya. M. : Politizdat, 1950.

12. Shapir M. Contra philologiam: lingvisticheskoe i ideologicheskoe v knige M. M. Bakhtina i V. N. Volo-

- shinova «Marksizm i filosofiya yazyka» // Russian Literature. 2008. № 63 (2, 3, 4). S. 231—258.
13. Etkind A. Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikoanaliza v Rossii. SPb. : Meduza, 1993.
14. Alpatov V. What is Marxism in Linguistics? // Materializing Bakhtin: The Bakhtin Circle and Social Theory / C.Brandist & G.Tihanov(eds.). London : Macmillan, 2000. P. 173—193.
15. Arnauld A., Nicole P. La logique ou l'art de penser. Paris : Charles Savreux, 1662. (Reed. Paris : Flammarion, 1970).
16. Aucouturier M. Le cercle de Bakhtine et la psychanalyse // Slavica Occitania. 2007. № 25. P. 143—161.
17. Benveniste E. De la subjectivité dans le langage // Problème de linguistique générale. Paris : Gallimard, 1966. P. 258—266.
18. Boukharine N. La Théorie du matérialisme historique. Manuel populaire de sociologie marxiste. Paris : Editions Anthropos, 1921 (1967).
19. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (MA) ; London : Harvard Univ. Pr., 1984.
20. Foucault M. Préface // Grammaire générale et raisonnée / Arnauld, Lancelot. Paris : Republication Paulet, 1969. P. 3—27.
21. Gardin B. Volochinov ou Bakhtine? // La Pensée. 1978. P. 87—100.
22. Houdebine J.-L. Langage et marxisme. Paris : Klincksieck, 1977.
23. Lamy B. La Rhétorique, ou L'Art de parler. La Haye : Pierre Paupie, 1737.
24. Lecercle J.-J. Une philosophie marxiste du langage. Paris : Presses Universitaires de France, 2004.
25. Seriot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris : Pres. Univ. de France, 1999.
26. Sgall P. Stalinovy články o jazykovědě a pražský lingvistický strukturalismus // Tvorba. 1951. 20. S. 674—676.
27. Tylkowski-Ageeva I. V. Volosinov en contexte : essai d'analyse épistémologique. Limoges : Lambert-Lucas, 2011.
28. Volosinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / trad. par I.Tylkowski-Ageeva et P. Sériot. Ed.bilingue. Limoges : Lambert-Lucas, 2010.
29. Vossler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft, Eine sprachphilosophische Untersuchung. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1904.
30. Yaguello M. Préface // Le marxisme et la philosophie du langage. Essai d'application de la méthode sociologique en linguistique / M. Bakhtine (V. Volochinov). Paris : Editions de Minuit, 1977. P. 9—18.